

ДЖЕССИКА БРОУДИ

ДЖЕССИКА БРОУДИ

НЕ **ВСПОМНЮ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б88

Серия «Ангелы и демоны»

Jessica Brody

UNREMEMBERED

Перевод с английского *И. Л. Моничева*

Компьютерный дизайн *Г. В. Смирновой*

Печатается с разрешения литературных агентств
Brandt & Hochman Literary Agents, Inc. и Andrew Nurnberg.

Бродди, Джессика.

Б88 Не вспомню : [роман] / Джессика Бродди ; [пер. с англ. И. Л. Моничева]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Ангелы и демоны).

ISBN 978-5-17-080497-9

Она не помнит НИЧЕГО — ни своего имени, ни дома, ни родителей.

Ее, чудом уцелевшую, нашли на месте крушения пассажирского самолета, назвали Вайолет и определили в приемную семью.

Но кто она на самом деле?

Почему никого, похожего на Вайолет, не было в списке пассажиров злополучного рейса? И почему она так превосходит всех окружающих в силе и скорости, выносливости и интеллекте?

У Вайолет нет ответов на эти вопросы. А найти их необходимо — ведь ее начинают преследовать таинственные вооруженные люди...

И ее единственная надежда — юноша, уверяющий, что знал ее прежде.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-080497-9

© Jessica Brody Entertainment, LLC, 2013
© Перевод. И. Л. Моничев, 2013
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

*Посвящается Биллу Контарди —
настоящему герою в реальной жизни
(который известен также как мой
литературный агент).*

*Сердце, познавшее истинную любовь,
никогда не забудет этого чувства.*

Томас Мор

Пролог

ПРОБУЖДЕНИЕ

Вода, холодная и безжалостная, хлещет меня по щеке. И от этой пощечины я прихожу в себя. Во рту соленый привкус одиночества.

Меня начинает бить кашель, и я открываю глаза. Вокруг мир, который я, кажется, вижу впервые. Это не тот мир, что был мне знаком. Вокруг на многие мили тянется темная синева океана, усеянная множеством крупных плавающих обломков. Это металл. На одном из них лежу я.

А еще я вижу тела.

Только рядом со мной их около двадцати. До двух я могла бы даже дотронуться, но не осмеливаюсь протянуть руку.

На безжизненных лицах застыло выражение ужаса. Глаза пусты. Они смотрят, но ничего не видят.

Я прижимаю ладонь к своему пульсирующему виску. Ощущение такое, что у меня голова из камня. Она тяжелая, а все вокруг видится как сквозь замызганные стекла очков. Я снова закрываю глаза.

Спасатели появляются часом позже, уже после того как сгустилась ночь. Я слышу, как их голоса прорезают окружающую тьму. Они ищут меня бесконечно долго. Луч света пронизывает густой туман и ослепляет. Никто не произносит ни слова, пока меня достают из воды.

Слова не нужны. У людей на лицах написано, что они не ожидали меня найти.

Что они не ожидали найти хоть кого-нибудь.

Живого.

Меня заворачивают в плотное синее одеяло и укладывают на жесткую деревянную поверхность. И тогда я слышу вопросы. Вопросы, от которых начинает болеть голова.

— Как вас зовут?

Я бы и сама хотела это знать.

— Вы понимаете, где находитесь?

Я смотрю вверх, но вижу только другое безбрежное море — небо, полное звезд, которые ничем не могут мне помочь.

— Вы помните, как садились в самолет?

Мой мозг пронзает острая боль, и в висках усиливается пульсация.

Самолет. Самолет. А что такое «самолет»?

Потом задают вопрос, который действительно находит во мне какой-то отклик. От него где-то в глубинах моей памяти вспыхивает крошечная искорка.

— Вы хотя бы знаете, который сейчас год?

Я моргаю, чувствуя, как зарождается крупница надежды.

— Тысяча шестьсот девятый, — шепчу я с убеждением, которое ровным счетом ни на чем не основано.

А потом теряю сознание.

Часть 1

ПАДЕНИЕ

Глава 1

ВСЕ ЗАНОВО

Сегодняшний день — единственный, который я помню. Пробуждение в океане — это все, что у меня есть. Остальное — пустое пространство. Хотя я не знаю, как далеко тянется это пространство — сколько лет оно в себя вмещает. В этом и состоит проблема пустоты: она может быть краткой, как миг, а может длиться бесконечно, поглотив все твоё предыдущее существование в бессмысленной белой вспышке. И не оставив тебе ничего.

Ни воспоминаний.

Ни имен.

Ни лиц.

Каждая секунда — это нечто новое. Каждое ощущение, посещающее меня, не знакомо. Каждая мысль, приходящая в голову, кажется чем-то, о чем я никогда прежде не думала. И я могу только надеяться и ждать наступления момента, который покажется знакомым. Одного мгновения, но узнаваемого.

Чего-то, что сделает меня... мной.

В противном случае я могу оказаться кем угодно.

Забыть, кто ты такая, куда сложнее, чем просто запомнить, как тебя зовут. Это значит забыть свои прежние мечты. Ожидания. Не помнить, что делало тебя счастливой. Без чего ты не представляла себе жизни. Это словно встречаться с собой впервые и не понимать, каковы же твои впечатления от встречи.

После того как спасательный катер причалил к берегу, меня доставили сюда. В эту комнату. Мужчины и женщины в белых халатах постоянно входят и выходят. Они втыкают в мою руку какие-то острые штуки. Изучают графики и чешут в затылках. Они ощупывают меня и простукивают, наблюдая за моей реакцией. Им хочется, чтобы со мной что-то оказалось не в порядке. Но я заверяю их, что все прекрасно — ничего не болит.

Окружавший меня туман окончательно рассеялся. Я вижу все предметы ясно и отчетливо. И больше не кажется, что моя голова весит сто фунтов. На самом деле я ощущаю прилив сил. Необходимость двигаться. Я хочу выбраться из постели. Уйти из этой комнаты, пропитанной незнакомыми запахами химикатов. Но люди не разрешают. Твердят, что мне нужно больше времени.

Однако, читая недоумение на их лицах, я прекрасно понимаю, что это им нужно больше времени.

Они не дают мне есть обычную пищу. Питательные вещества поступают в мой организм через трубочку. Ее ввели мне прямо в вену. В нескольких дюймах выше широкого белого браслета из пластмассы, на котором четкими черными буквами написано «Джейн Доу»*.

Я спрашиваю, зачем меня здесь держат, если совершенно ясно, что я здорова. На мне не заметно никаких повреждений. Нет ни единого перелома. Я энергично двигаю перед ними руками и ногами, чтобы доказать свою правоту. С их стороны — никакой реакции. И это уже начинает бесить.

Через несколько часов врачам удается определить, что мне шестнадцать лет. Даже не знаю, как реагировать

* В англоязычных странах правоохранительными органами и медицинскими учреждениями неопознанным лицам или трупам традиционно присваиваются псевдонимы Джон или Джейн Доу. — *Здесь и далее примеч. пер., кроме особо обговоренных случаев.*

на подобную информацию. Я совершенно не чувствую себя шестнадцатилетней. Впрочем, откуда мне знать, что это за чувство? Как я вообще могу ощущать свой реальный возраст?

И почему они так уверены, что их оценка правильна? Они ведь запросто могли это выдумать, как кажется. Но меня уверяют, что у них есть надежные методы тестирования. Специалисты. Эксперты. И все они сошлись в едином мнении.

Что мне шестнадцать.

Но вот определить мое имя им не помогут никакие тесты. Или откуда я родом. Где я живу. Кто члены моей семьи. Им ни за что не догадаться даже, какой цвет мой самый любимый. И сколько бы так называемых экспертов ко мне ни приходило, ни один не в силах объяснить, как я осталась в живых после крушения самолета, при котором погибли все остальные.

Врачи упоминали что-то о предполетном манифесте. Я догадалась: это нечто вроде списка, куда заносят фамилии пассажиров, которые поднимаются на борт самолета.

И, как я поняла, меня в списке не было.

Почему-то всех крайне тревожит этот факт.

Мужчина в сером костюме, который представился мистером Рэйюнасом из службы социального обеспечения, говорит, что пытается разыскать моих ближайших родственников. Он носит с собой странный с виду металлический предмет и называет его сотовым телефоном. Он часто держит его у своего уха и разговаривает. А еще любит смотреть на него и нажимать кнопки. Я понятия не имею, кого он считает моими «ближайшими родственниками», но, судя по выражению его лица, найти их никак не удастся.

Мистер Рэйюнас что-то шепчет остальным. Как нетрудно догадаться, он не хочет, чтобы я это слышала. Но я все равно слышу. Чужеродные незнакомые слова: «удочерение», «пресса», «несовершеннолетняя». Время

от времени они делают паузу и смотрят на меня. Качают головами. А потом снова начинают перешептываться.

Каждый час ко мне заходит женщина по имени Кияна. Она темнокожая и говорит с таким странным акцентом, словно поет. Одета она во все розовое. Кияна улыбается и взбивает подушку. Прижимает два пальца к моему запястью. Записывает что-то на листке, прикрепленном зажимом к специальной подложке. Я даже стала ждать ее визитов. Она добрее всех остальных. И ей не жалко времени, чтобы поболтать со мной. Она задает вопросы, но только хорошие. Пусть и знает заранее, что ответы я дать не могу.

— Ты такая красотуля, — говорит Кияна, ласково поглаживая меня пальцем по щеке. — Как девушки, которых печатают во всяких там модных журналах, понимаешь?

Я не понимаю. Но все равно отвечаю ей чуть заметной улыбкой. Мне почему-то кажется, что так будет правильно воспринимать ее слова.

— Ни единого прыщика, — продолжает она. — Ни одного изъяна. Когда к тебе вернется память, ты должна будешь поделиться со мной своим секретом, милая.

И подмигивает.

Мне нравится, что она говорит «когда», а не «если».

Хотя я и не помню, чтобы кто-то учил меня смыслу этих слов, я прекрасно чувствую разницу.

— А эти глазки! — тихо восклицает она, придвигаясь ближе. — Никогда не видала глаз такого цвета. Прямо лаванда.

Кияна останавливается, задумывается и всматривается еще пристальнее.

— Нет. Фиалка. Точно! Фиалка.

Она улыбается, словно случайно раскрыла тайну, над которой все так долго ломали головы.

— Держу пари, тебя и зовут Вайолет*. Ничего не припоминаешь?

* Имя, созвучное английскому названию фиалки.

Я качаю головой, потому что, естественно, ничего не припоминаю.

— И ладно, — говорит она, одергивая простынки на моей постели. — Я все равно буду тебя так называть, пока не вспомнишь своего настоящего имени. Все лучше, чем Джейн Доу, верно?

Кияна делает шаг назад и смотрит на меня, чуть склонив голову набок.

— Чудо как хороша! Ты сама-то помнишь, как выглядишь, дорогуша?

Я снова качаю головой.

Она по-доброму мне улыбается. В уголках глаз резче обозначаются морщины.

— Тогда погоди-ка. Сейчас я все устрою.

Кияна выходит из комнаты, а через минуту возвращается с зеркалом овальной формы. Пока она подходит к моей кровати, в зеркале играет солнечный свет. А потом она ставит его вертикально передо мной.

Посреди тонкой розовой оправы появляется лицо.

Лицо, обрамленное длинными и прямыми русыми волосами медвяного оттенка. С гладкой золотистой кожей. С небольшим прямым носом. С губами в форме сердечка. С высокими скулами. И с огромными миндалевидными и действительно фиалкового цвета глазами.

И эти глаза только что моргнули.

— Да, вот ты какая, — сообщает она. — Само совершенство. Нет, ты точно была фотомodelью.

Но мне не совсем понятно, что такого она сумела разглядеть. Сама я вижу лишь абсолютную незнакомку. Лицо для меня совершенно чужое. И в глубине этих глаз таится шестнадцать лет жизни, которую, боюсь, я уже и не вспомню. Память как пожизненный заключенный в камере без окон. А ключ потерян в океане.

И я вдруг вижу в зеркале, как на отраженных в нем глазах набухают фиалковые слезы.